

Аня Соколова и дело о пропавшей радости

Евгения Кузьмина

**Аня Соколова и дело
о пропавшей радости**

«Автор»

2026

Кузьмина Е.

Аня Соколова и дело о пропавшей радости / Е. Кузьмина —
«Автор», 2026

Когда в тихом районе появляется загадочная кондитерская "Сахарное облако", все дети в городе внезапно становятся странно спокойными и молчаливыми. Только девятилетняя Аня, одержимая расследованиями, замечает, что с её друзьями происходит нечто необъяснимое. Следуя за странной цепочкой улик, Аня оказывается в загадочном мире Сахарграда, где из сладостей построен целый город и власть принадлежит самому настоящему королю-пончику. Чтобы спасти старых и новых друзей, Ане предстоит раскрыть тайну сладких ловушек, сделать важный выбор и самое главное научиться говорить о своих чувствах вслух.

© Кузьмина Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Евгения Кузьмина

Аня Соколова и дело о пропавшей радости

Глава 1

СЛУЧАЙ В «САХАРНОМ ОБЛАКЕ» У настоящего следователя должен быть блокнот. У меня был в клетку, с загнутым уголком и пятном от какао. На обложке я написала красным фломастером: «РАССЛЕДОВАНИЯ. НЕ ОТКРЫВАТЬ». А на первой странице: *ДЕЛО 1. СЛУЧАЙ В «САХАРНОМ ОБЛАКЕ». Следователь: Соколова Анна, 9 лет. Верят мне: никто.*

Последнюю строчку я подчеркнула, потому что, когда тебе девять и ты говоришь взрослым: «С детьми в нашем дворе что-то не так», — они отвечают одно из трех: «Тебе показалось», «Не выдумывай» или «Прекрасно, вот бы и ты так себя вела». Мама выбрала третье. — Наконец-то Мила стала поспокойнее, — сказала она, помешивая суп. — А то носитесь вечно, как два электровеника. — Она не поспокойнее! Она совсем другая! — Аня, люди не обязаны все время прыгать и хохотать. — Но Мила даже над Костей не засмеялась! Утром мой младший брат надел папины ботинки, сунул под мышку разделочную доску и объявил, что пошел на совещание, а потом потребовал выдать ему зарплату мармеладом. Обычно Мила после такого лежала бы на полу, но сегодня она только спросила, зачем ему доска. — Может быть, у нее просто нет настроения, — сказала мама. — Ешь, а то остынет. Я посмотрела в тарелку: среди картошки плавала одинокая морковка. Доказывать что-нибудь маме во время обеда было бесполезно. Во время ужина тоже, особенно если доказательства касались подозрительной кондитерской и мармеладного медведя. Про медведя я пока вообще решила не говорить. И так, все началось в четверг. Я хорошо это помню, потому что по четвергам у нас физкультура, а на физкультуру я опять забыла резинку для волос. Хвостик, который мама завязала мне утром, сполз набок еще в подъезде, и светлые пряди лезли мне в рот. Я шла по Кленовой, пыталась убрать их за уши и размышляла о том, можно ли закрепить волосы скрепкой. Скрепка у меня была, а еще в рюкзаке лежали карандаш, фонарик без батареек, два фантика и блокнот. Одним словом, все необходимое, кроме нормальной резинки. — Ань! Сюда! У витрины кондитерской мне махала Мила. Хотя в среду никакой витрины на этом месте не было. Я точно помнила, что там была серая будка с табличкой «Ремонт обуви», а на подоконнике стоял ящик со шнурками. За стеклом висел один сапог. Я его запомнила, потому что всегда хотела узнать, где второй. Теперь сапог и будка бесследно исчезли, а на их месте стояла маленькая кондитерская с розовой дверью и белой вывеской: «САХАРНОЕ ОБЛАКО». — Откуда это взялось? — спросила я. — Открылось! — Мила подпрыгнула. Ее косички тоже подпрыгнули в разные стороны. — Смотри, какие пончики! — Я вчера здесь проходила, и тут обувь чинили. — А теперь пончики делают. Не нуди! По-моему, стало гораздо лучше. С Милой мы дружили с первого класса. Она могла говорить без остановки всю дорогу до школы, а потом на прощание сказать: «Ой, я тебе главное-то не рассказала!» Я обычно слушала, потому что в Милин разговор трудно попасть со своими словами. А если мне все-таки это удавалось, она слушала меня по-настоящему. И все мои бредовые детективные истории тоже. Я подошла к стеклу и посмотрела на пончики. Они лежали ровными цветными рядами. Красные блестели, как клубничное варенье. Синие были усыпаны крошечными белыми звездочками, на желтых лежали тонкие завитки лимонной цедры, а зеленые украшали сахарные листочки. Под каждым рядом стояла табличка: «КЛУБНИЧНЫЙ», «ЧЕРНИЧНЫЙ», «ЛИМОННЫЙ», «МЯТНЫЙ». А еще один пончик лежал отдельно, на высокой тарелке под стеклянным колпаком. Он был золотой. Не желтый, не карамельный, а именно золотой! Я наклонилась, чтобы рассмотреть его получше. По глазури скользнул свет, хотя солнце в этот момент спряталось за тучу. Табличка перед ним

была пустая. Возможно, он вообще не продавался. Мои мысли прервал голос Милы: — Вот этот хочу! Она потянула меня за рукав внутрь. Над дверью звякнул колокольчик. В кондитерской пахло ванилью и теплым тестом. У окна стояли столики, а на них — вазочки с леденцами. За прилавком тянулись полки с одинаковыми белыми коробками, а в глубине зала виднелась дверь с круглым окошком. Перед прилавком выстроилась целая очередь. Она состояла только из детей. Я узнала Петрова из нашего класса, Димку из параллельного и сестер-близняшек Катю и Дашу. Они спорили, кому достанется пончик с большим сахарным листиком. За прилавком стоял высокий худой продавец в белоснежном фартуке. У нас дома белые вещи оставались белыми примерно до первого появления Кости. На фартуке продавца не было ни пятнышка. — Добро пожаловать в «Сахарное облако»! — произнес он. Улыбка у него была аккуратная и совершенно неподвижная. Пока мы стояли в очереди, Мила успела рассказать мне свой сон, пересказать разговор родителей и придумать три причины, почему физкультуру сегодня должны отменить. Я достала блокнот. На одной из последних страниц у меня были обычные записи. Не каждый же день случаются преступления, поэтому иногда приходится писать, что Петров снова спрятал сменку Димки, а потом сам забыл куда. Под вчерашней заметкой я быстро вывела: *Иногда хочется, чтобы Мила хоть минуту помолчала*. Посмотрела на подругу и дописала: *Но только минуту*. Наконец подошла наша очередь. — Мне золотой! — объявила Мила. Продавец посмотрел на колпак, и в первый раз его улыбка немного изменилась. — Этот пока не продается. Мила открыла рот, собираясь спросить еще что-то, но я успела ее опередить: — Тогда зачем вы его поставили? Продавец поправил колпак двумя пальцами. — Для особого случая. Я поняла, что спрашивать что-то еще было бесполезно. Мила, недолго думая, выбрала два красных. Я пошарила в кармане. Нашла один рубль и скрепку. — А вам, юная леди? — Я пока изучаю ассортимент. Это звучало гораздо лучше, чем «У меня нет денег». На улице Мила тут же откусила пончик. — Ань... — Она зажмурилась. — Там внутри тоже клубника. И крем, и еще что-то хрустит. Попробуй! Она протянула мне второй, но тут из дверей выскочил Виталик и задел ее локтем. Пончик описал дугу в воздухе, и я даже успела подумать, что он похож на красное колесо. Потом он упал на тротуар прямо перед рыжим псом. Пес не стал изучать ассортимент, как это делала я, а схватил пончик и сразу умчался с ним за угол. — Эй! — крикнула Мила. Виталик пробормотал извинение и побежал дальше. Мы посмотрели на оставшуюся половинку в Милиной руке. — Я могу отломить, — сказала она не очень уверенно. — Не надо, доедай. Почему-то пончиков мне уже не хотелось.

В школе поначалу все было как обычно. Но странное чувство не покидало меня с самого посещения кондитерской. И не зря: вскоре я стала замечать кое-какие странности. Если на первой перемене Мила еще смеялась, то на второй только улыбалась, а это было на нее непохоже. На третьем уроке Петров сел на собственный бутерброд. Перед тем как встать отвечать, он положил его на стул и тут же об этом забыл. Когда снова сел, раздался такой звук, что даже учительница отвернулась к доске и подозрительно закашлялась. Мила посмотрела на расплюсченный пакет. — Теперь у него сыр на брюках, — сказала она спокойно. — Я вижу! — ответила я, не сдержав смеха. — Наверное, трудно отстирывается, — сказала Мила и стала записывать что-то в тетрадь. Я перестала смеяться. — Мил, ты чего? Тебе не смешно? Она еще раз взглянула на Петрова и пожала плечами. В столовой я поделилась с ней новостью: в субботу папа обещал отвести нас в парк на веревочную площадку. Мы выпрашивали этот поход почти месяц. — Хорошо, — сказала Мила. И продолжила размешивать компот. Она даже не спросила, во сколько мы пойдем, хотя про этот парк тараторила мне две недели без умолку. После уроков мы дошли до ее подъезда почти молча. Я рассказала две истории, показала смешную фотографию Кости и один раз нарочно произнесла «кастрюля» голосом нашего физрука. Обычно это помогало, но в этот раз — нет. С Милой точно было что-то не так! Дома я достала блокнот и наткнулась на утреннюю запись: *Иногда хочется, чтобы Мила хоть минуту помолчала*. Мне

стало неприятно. Глупости, конечно. Люди не замолкают оттого, что кто-то написал это в клетчатой тетрадке. К тому же Мила не совсем молчала. Она отвечала на вопросы, просто будто забыла, как радоваться. Я зачеркнула запись, потом зачеркнула зачеркнутое, чтобы уж точно ничего нельзя было прочесть, и открыла чистую страницу.

МЫСЛЬ 1. Мила стала странной после красного пончика. Подумала и добавила: *Но «после» не обязательно значит «из-за».* Эту фразу я услышала в передаче про расследования. Очень полезная фраза, когда ничего не понимаешь.

На следующее утро я вышла из дома пораньше. Маме сказала, что хочу повторить математику перед уроком. Это было не совсем неправдой. Повторить математику я действительно хотела, просто чуть меньше, чем заглянуть в подозрительную кондитерскую. У «Сахарного облака» уже стояла очередь, и взрослых опять не было. Мимо прошла женщина с коляской, потом мужчина с пакетом, потом наша соседка тетя Лена. Обычно она замечала все: кто не поздоровался, кто ходит без шапки, кто сломал куст. На очередь она даже не посмотрела. Я достала блокнот и записала: *МЫСЛЬ 2. Взрослым почему-то неинтересно.*

Потом быстро убрала его и вошла. За столиком у окна сидел Димка. На салфетке перед ним лежала половинка синего пончика. Я подошла к нему узнать про брелок. Вчера он чуть не плакал в раздевалке: потерял брелок, который ему привез дедушка. Дедушка жил далеко, и виделись они редко. — Нашел? — спросила я. Димка поднял голову. — Что? — Что-то, брелок! — Нет. — Ты под скамейкой смотрел? — Смотрел. Нету. Он откусил пончик. Я немного прищурилась. — И ты больше не расстраиваешься? Димка задумался. — Странно, да? Брелок все равно жалко, а грустить не получается. За соседним столиком Катя и Даша делили зеленый пончик. — Ты взяла больше, — сказала Катя. Я приготовилась к привычному спору. — Можем поменяться, — предложила Даша. — Не надо. И все. Ни «ты всегда», ни «я маме скажу», ни перетягивания салфетки. Я достала блокнот, но не успела ничего написать. — Снова изучаете ассортимент? Продавец стоял рядом. Я даже не услышала, как он подошел, и только кивнула. — Сегодня могу предложить вам угощение за счет заведения. Он взял с подноса красный пончик и положил в бумажный пакет. — Клубничный. Самый популярный. — А золотой кто-нибудь уже пробовал? Продавец взглянул на колпак. — Нет. — А почему у него нет названия? — Не всему сразу находится название. Он протянул мне пакет. Я взяла, но есть, конечно, не собиралась. — А вы сами печете? — спросила я. — Разумеется. Я хотела задать еще много вопросов, но из-за белой двери донесся звон, как будто маленькая ложка упала в очень большую кастрюлю. Продавец повернул голову. — Кухня закрыта для посетителей, — сказал он, хотя я еще ничего не спросила. В этот момент у кассы кто-то уронил вазочку с леденцами. Дети загалдели. По полу покатались цветные шарики. Продавец шагнул к ним. Тут белая дверь приоткрылась. Совсем чуть-чуть. Мне хватило бы благоразумия остаться на месте, если бы я была кем-нибудь другим. Но я, даже не раздумывая, быстро пересекла половину кондитерской и заглянула в щель. Вдоль стен блестели трубы, а над большим серебристым баком поднимался пар. У плиты стояла табуретка, а на табуретке — медвежонок. Маленький, рыжеватый, в белом поварском колпаке. Свет проходил сквозь его ухо. Он держал ложку обеими лапами и помешивал что-то в кастрюле. Потом повернулся ко мне. Я увидела два блестящих глаза и круглый нос. Медвежонок замер. Я тоже. Он приоткрыл рот. Наверное, хотел мне что-то сказать или закричать, но тут мне на плечо легла рука. — Сюда нельзя. Продавец стоял за спиной. Дверь быстро закрылась. — Я... — начала я. Ничего подходящего не придумалось. — Выход в той стороне, — сказал продавец. Улыбка у него осталась прежняя, только теперь мне совсем не хотелось смотреть на нее. Я пошла к выходу.

Милу я встретила у входа в кондитерскую. Она уже стояла там среди других детей. Мы пошли в школу, и я воспользовалась тем, что Мила пока молчала. — Там медведь, — сказала

я.— Где?— На кухне!— Прямо медведь-медведь? Большой и настоящий?— Нет, маленький. Мармеладный. Мила посмотрела на пакет у меня в руках.— Ты уже попробовала?— Нет! Я его видела. То есть медведя. Он кашу варил или начинку.— Может, тебе показалось и это была просто игрушка на столе? Я немного сникла, может, в самом деле игрушка? Пар, тесная щель... Я не успела толком рассмотреть.— Ань, пойдем, опоздаем, — сказала Мила. Мы прошли мимо огромной лужи, на ее поверхности лежало перевернутое небо. Мила даже не попыталась перепрыгнуть.— Будешь? — спросила она, кивнув на пакет. Я прижала его к себе.— Нет. И тебе не дам. Мила вздохнула, но спорить не стала. Вот это мне понравилось меньше всего. Обычно за сладкое она была готова биться до последнего.

Весь день я снова наблюдала. Оказалось, тише становились не все. Виталик, например, после желтого пончика полез на школьный забор за мячом. Раньше он даже на верхнюю ступеньку шведской стенки не забирался.— Слезай! — крикнула я. — Упадешь!— Знаю, — ответил он. И полез выше, как будто высота больше ничего для него не значила. Мяч в итоге достал охранник. Виталика он тоже достал и долго ругал. Виталик слушал спокойно, но, когда охранник пригрозил позвонить его папе, разозлился. Значит, злиться он мог. В отличие от Кати, которая не разозлилась, даже когда Даша пролила воду на ее рисунок. При этом, узнав, что рисунок можно высушить, она обрадовалась. Я записывала все подряд, боясь упустить хоть какую-то деталь. К последнему уроку у меня устала рука. Пока я вообще ничего не понимала: как будто все так, но при этом все не так.

В субботу утром Мила зашла к нам перед прогулкой. Костя как раз отправлялся на свое совещание с разделочной доской. Мила не засмеялась. В парк мы так и не пошли: папу вызвали на работу, Мила расстроилась и пошла домой, а перед уходом она призналась, что вчера после школы купила еще один красный пончик.— Зачем? — спросила я, наверное, слишком громко.— Вкусный же. Я хотела объяснить все, но Мила уже натягивала куртку. Дверь за ней закрылась, и вот тогда я пошла к маме. Рассказала про детей, про пончики, про то, что Мила больше не смеется. Мама помешала суп и сказала про электровеники. Так на первой странице моего блокнота появилась строчка: *Верят мне: никто*. После обеда я заперлась в комнате. То есть придвинула к двери стул. Замка у меня нет, а табличку «НЕ ВХОДИТЬ» Костя считает приглашением. Красный пончик все еще лежал в пакете на столе. Я осторожно разломила его. Внутри оказался светлый крем с красными ягодными полосками. Ни проводов, ни порошка подозрительного цвета, ни крошечных надписей «Средство против радости». А запах был такой, что я даже сглотнула. Потом завернула обе половинки и убрала подальше. В блокноте я нарисовала четыре цветных пончика и раскрасила их карандашами. Рядом нарисовала золотой. Для него подходящего карандаша не нашлось. Пришлось взять желтый и подписать: *ЭТО ЗОЛОТОЙ, А НЕ ЛИМОННЫЙ*. Под ним я оставила вопросительный знак. Я долго смотрела на рисунки. Взрослые всегда говорят: «Не грусти», «Не злись», «Не бойся». Если пончики и правда забирали все это, получалось, кондитерская делала что-то хорошее? Я вспомнила Виталика на заборе. Нет. Не всегда. А зачем забирать радость, я вообще не понимала. За стеной Костя что-то уронил.— Костя! — крикнула мама. Папа, только что вернувшийся с работы, тяжело вздохнул. Я перевернула страницу и вместо очередного наблюдения написала: *Хочу, чтобы Мила снова засмеялась*. Посидела немного и дописала: *По-настоящему. Как раньше*. Телефон зазвонил, когда я еще не успела закрыть блокнот. Звонила Мила. Я уставилась на экран.— Алло? В трубке что-то хрюкнуло.— Ань... И опять.— Мил, ты плачешь?— Нет... Подожди... Она смеялась. Так сильно, что не могла договорить. У меня даже пальцы похолодели.— Что случилось?— У нас... мама... — Мила попыталась вдохнуть. — Кот залез в пакет. А ручка ему... на ухо... И он теперь ходит с хлебом! Я слушала ее смех и смотрела на блокнот.— Ань? Ты здесь?— Здесь.— Ты чего молчишь?— Давно тебе стало весело?— Не знаю. Сейчас. А что?

— А до этого? Она помолчала. — До этого все было как-то никак. Слушай, ты не обижайся за утро, ладно? Я сама не понимала, что со мной. Я выдохнула. Оказывается, все это время я сидела, почти не дыша. — Ты сегодня пончики ела? — Нет. Мама сказала, что хватит тратить деньги. Мы поговорили еще немного. Мила рассказала про кота второй раз, потом вспомнила кое-что про Петрова и наконец спросила, перенесут ли наш поход в парк. Когда разговор закончился, в комнате стало очень тихо. Я подвинула блокнот ближе. В четверг я написала, что хочу тишины, — и Мила перестала смеяться. Сегодня попросила, чтобы она снова засмеялась, — и Мила позвонила. Но в четверг она съела красный пончик, а сегодня не ела. К тому же кот с пакетом на ухе — это действительно смешно. Я взяла карандаш. *МЫСЛЬ 3. Возможно, это совпадение и пончики нормальные.*

Подчеркнула слово «возможно» и убрала блокнот. А вечером легла спать, стараясь больше не думать ни о пончиках, ни о совпадениях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.